

Глава 23. Различие

Сунь Цинфэн бережно обтирал Цзинь Линьэра, смывая дорожную грязь. Влажная ткань дышала мягким теплом, но ладони самого защитника оставались ледяными.

От этого прикосновения Цзинь Линьэр вмиг очнулся от глубокого сна. Поежившись от озноба, он с трудом приоткрыл заспанные глаза и недоуменно спросил:

— Гэгэ, ты чего удумал? Решил отмыть меня до блеска, а потом бросить в котел и сварить?

Сунь Цинфэн даже бровью не повел, сохраняя полную невозмутимость:

— Глава культа, вы обмочились.

Цзинь Линьэр округлил глаза. Лихорадочно перебирая руками и ногами, он поспешно отполз назад, устоялся на собственные штаны и, тщетно пытаясь сохранить невозмутимый вид, выпалил:

— Да быть того не может! Мне с десяти лет такие конфузы не снились. Может... это ты сделал? Ну же, колись, я смеяться не буду, честно!

— Смехун хренов, — отрезал Сунь Цинфэн.

Цзинь Линьэр не на шутку встревожился:

— Неужто я захворал?

Сунь Цинфэн лишь закатил глаза:

— Сосуд переполнился — вот и излилось. Нечего панику разводить.

— А, об этом-то я слышал, — Цзинь Линьэр отвел взгляд и неловко заерзал. Случайно коснувшись пальцев Сунь Цинфэна, он тут же замер, боясь пошевелиться. — Ребята в культе поговаривали, коли у парня такое случается, значит, теперь он... ну, может заводить детей.

Вообще-то Сунь Цинфэн никогда не отличался нежностью: мыл он Линьэра и тер ему спину примерно так же, как чистят овощи или шоркают посуду.

И все же Цзинь Линьэр чувствовал, что вырос. Что-то неуловимо менялось внутри него, заставляя испытывать непривычную, щемящую неловкость. Пытаясь разогнать стусившееся смущение, он брякнул первое, что пришло на ум:

— А если я буду просто идти по дороге, и этот... этот сосуд опять решит излиться?

Он густо покраснел, словно вот-вот брызнет кровь. Он договорил едва слышным шепотом:

— Если прямо при всех прольется, что тогда делать? Люди же заметят!

— Да с чего бы вдруг! — Сунь Цинфэн, глядя на его серьезную мину, не знал, смеяться ему или плакать. — И какая только дурь тебе в голову лезет?

Цзинь Линьэр поспешно натянул исподнее:

— Никакая не дурь, я только о тебе и думаю! Ай, не дерись! Но все-таки, почему с тобой такого никогда не случается?

— У меня свои методы, — буркнул Сунь Цинфэн.

В Цзинь Линьэре тут же проснулось непреодолимое любопытство:

— Какое еще средство?

Сунь Цинфэн лишь наградил его суровым взглядом, не желая пускаться в объяснения. Он с силой встряхнул простыню, прогоняя Линьэра с постели, и велел идти греть воду, а затем как бы невзначай поинтересовался:

— Снилось-то хоть что-нибудь?

Цзинь Линьэр с грохотом вылил полтаза воды в котелок. Ледяные брызги полетели во все стороны; он взвизгнул, запрыгал на месте и весело отозвался:

— Снился! Я видел во сне тебя! А тебе что снилось?

Сунь Цинфэн на секунду замер, перехватив дыхание, а затем отрезал:

— Сон про белого бычка мне снился.

Цзинь Линьэр посмотрел на него с искренним сочувствием и назидательно произнес:

— Гэгэ, тебе вредно так много думать.

Сунь Цинфэн от такой наглости аж дар речи потерял.

Пока они препирались да возились, время пролетело незаметно. Цзинь Линьэр едва не опоздал к началу занятий.

Благо у Сунь Цинфэна шаг был стремительным. Подхватив мальчишку на спину, он полетел вперед быстрее ветра и в считанные мгновения доставил его к восточному подножию Западного пика. И это при том, что еще вчера он грозился и пальцем ради него не пошевелить.

Миновав ворота Обители Нефритового источника, Цзинь Линьэр вместе со всеми повернул на восток и вошел в Павильон Вопросания Дао.

Сунь Цинфэн же свернул к западу — туда, где на небольшом дворике располагалась открытая кухня.

На Павильоне Вопросания Дао не было вывески, лишь по бокам от дверей висело парное изречение: «Отринь иллюзии и суету, сбереги в себе истинное начало».

Снаружи павильон казался обветшалым, но внутри открывался совсем иной мир — просторный и величественный. На первом этаже покоились древние свитки, на втором хранилось оружие, а третий был отведен под кельи для молитв и медитаций.

С любопытством оглядев сокровища первых двух этажей, Цзинь Линьэр воодушевленно взбежал на третий и так и замер от разочарования. Здесь царила полная аскеза: простая черепичная крыша, открытые всем ветрам стены, занавешенные лишь легким тюлем, да деревянный пол, на котором сиротливо лежали двадцать один соломенный коврик для медитации. Шесть из них располагались впереди, остальные пятнадцать выстроились ровными рядами позади.

Стоило ему шагнуть к залу, как один из послушников вежливо приподнял перед ним кисею и негромко приветствовал его:

— Шисюн.

Это обращение показалось Цзинь Линьэру чертовски забавным, и он уже набрал в грудь воздуха, чтобы поболтать с новым знакомым, но не успел вымолвить и слова. Юноша лишь предостерегающе махнул рукой, обронил:

— Час близок.

И безмолвной тучкой упорхнул прочь, оставив после себя лишь легкое дуновение сквозняка.

— В этой обители лишь мы с тобой — прямые ученики достопочтенного наставника, — негромко пояснил подошедший Чжоу Синъюнь. — Остальные пятнадцать братьев — внутренние ученики. Искусству боя их обучаем мы, и лишь самым одаренным или тем, кому улыбнется редкая удача, выпадает честь перенять мудрость из рук самого главы школы. В нашем учении нет деления на знатных и безродных, однако порядок строг: внутренние ученики, невзирая на возраст и заслуги, обязаны величать прямых учеников старшими братьями.

Цзинь Линьэр покраснел. Ну какой из него «старший брат»? Ему просто повезло, да и кровные узы с Сюэ Чжэнъяном сыграли свою роль.

В этот миг он твердо решил взяться за ум и учиться не щадя сил, чтобы не позорить наставника.

Остальные ученики держались с таким отрешенным, неземным величием, что Цзинь Линьэр не осмелился навязываться к ним с расспросами. Он тихонько проскользнул к коврикам, предназначенным для прямых учеников, и устроился на самом краю, у окна.

Отсюда, если повернуть голову, открывался отличный вид на дворик, где возился Сунь Цинфэн.

Когда над горами разнесся утренний звон колокола, Чжоу Синъюнь повел братьев за собой, зачитывая священные тексты. Он повторял старую истину: «Прочти книгу стократно, и смысл откроется сам», — и не утруждал себя долгими толкованиями.

Закончив чтение, все погрузились в глубокое молчание, словно позабыв о существовании друг друга. Каждый замер в медитации, пытаясь уловить то самое неявное знание.

В полдень никто не притрагивался к еде. Ученики лишь разбивались на небольшие группки, негромко беседуя о Дао и законах мироздания.

После полудня каждый возвращался к своим трудам: кто-то копил ци в медитации, кто-то выходил во двор, чтобы оттачивать приемы с деревянным мечом.

Цзинь Линьэр, привыкший к вечному движению и шуму, в этой чинной, торжественной обстановке тоже не смел безобразничать. Первые пару дней он то и дело докучал Чжоу Синъюню расспросами, но, заметив недовольные взгляды братьев, понял, что нарушает покой, и притих.

Так тянулся день за днем, неделя за неделей.

Зимние сугробы стаяли без следа, весенние цветы успели распуститься и увянуть, и незаметно наступила душливая летняя жара.

За этот год мера крови, которую ежедневно выпивал Цзинь Линьэр, выросла с пяти гэ до семи.

Быть может, благодаря долгим часам безмолвных медитаций его разум очистился, и он наконец ощутил, как внутри него плотными, горячими струями течет ци.

Иногда в моменты азарта — к примеру, когда он пытался сцапать ленивую цикаду на ветке, а та в последний миг срывалась с места, — он с досады вскидывал руку, и с его пальцев непроизвольно срывался яростный поток энергии, разносивший толстый сук в щепки.

Впервые это случилось прямо в Павильоне Вопросания Дао. Братья были слишком заняты собственными упражнениями, так что никто ничего не заметил. Но сам Цзинь Линьэр испугался не на шутку. Он сломя голову помчался на задний двор, юркнул за спину Сунь Цинфэна и, дрожа всем телом, пролепетал:

— Г-гэгэ... я призрака встретил!

— Что за спешка вечно? Не видишь, у меня тут масло кипит? — Сунь Цинфэн бесцеремонно отодвинул его локтем, окинул беглым взглядом и, убедившись, что парень цел, спросил: — Какого еще призрака?

— Я там цикаду ловил... то есть, тренировался! — Цзинь Линьэр округлил глаза. — На ветке сидела цикада, я хотел с ней поздороваться, а она улетела, и ветка вдруг — бах! — и разлетелась в пыль. А из моих пальцев вырвалось что-то безликое, вроде темного золотого тумана.

Сунь Цинфэн замер, опустив половник, и тихо произнес:

— Это не призрак. Не поднимай шумиху раньше времени, вечером во всем разберемся.

Словам названного брата Цзинь Линьэр верил свято. Страх улетучился без следа. Приблизившись, он потянул широкий рукав и принялся бережно вытирать пот со лба Сунь Цинфэна.

Пусть облик Сунь Цинфэна и был фальшивкой, маска в точности повторяла его собственный мертвенно-бледный оттенок кожи, отчего брови и ресницы казались черными, как тушь. И пусть черты лица выглядели неприметно, в изломе его бровей и суровом взгляде все равно сквозила былая горделивая непреклонность, которую не могла скрыть ни одна магия.

Цзинь Линьэр заворуженно смотрел на него. Заметив, как на кончиках ресниц защитника дрожит и переливается на солнце хрустальная капелька пота, он не удержался и коснулся ее пальцем.

Капля сорвалась и скользнула прямо в глаз Сунь Цинфэну.

Цзинь Линьэр испугался, шагнул ближе и потянулся лицом к его лицу, намереваясь осторожно сдуть докучливую влагу. Но расстояние между ними сократилось слишком быстро: он неловко качнулся вперед и коснулся губами его щеки.

В то короткое мгновение взгляд Сунь Цинфэна неузнаваемо изменился — стихла вечная суровость, уступив место какому-то робкому, теплому смятению, напоминающему тающий лед или согретую солнцем воду.

С глухим звоном тяжелый медный половник выскользнул из его пальцев и покатился по земле.

Резко отстранив парня, Сунь Цинфэн поспешно отвернулся, пряча лицо, и сердито буркнул:

— Под ногами только путаешься. Брысь отсюда.

Поздним вечером, вернувшись под своды Обители Скопленных облаков, они заперли все двери и окна и сели держать совет.

Только теперь Цзинь Линьэр осознал, что сокрушительной силой, разнесшей ветку, был никакой не призрак, а его собственная ци.

Раньше он мало смыслил в Божественном искусстве Золотого облика, но теперь, воочию столкнувшись с его мощью, ощутил холодок страха:

— Обычные люди тратят десятки лет, чтобы развить в себе ци, способную обретать видимую форму. Я же толком палец о палец не ударил, а она уже рвется наружу. Неужели это учение настолько зловеще?

Сунь Цинфэн хмыкнул:

— Твари из Гуйфана за две сотни лет не смогли пробиться за Границу Белого моря ни на шаг. Как сам думаешь?

— Я не о том, — Цзинь Линьэр грустно покачал головой.

Мысли его снова вернулись к необходимости проливать чужую кровь ради тренировок. Перед глазами заплясали тени забитых им птиц и зверей, и от этих воспоминаний ему сделалось не по себе.

Сунь Цинфэн ободряюще сжал его плечо:

— Чего ты робеешь?

— Раньше я думал, что это искусство — просто тяжелая ноша, которую мне суждено нести, — сдавленно произнес Цзинь Линьэр, бледнея. — Я наивно полагал, что если никогда не открою этот ларец, то он так и останется бесполезным грузом за спиной, не способным причинить вреда.

— Я ведь сразу сказал тебе, что это темное и опасное дело. Тебе ли не знать? — негромко напомнил Сунь Цинфэн.

Цзинь Линьэр вздохнул и потянулся к груди. Сняв Талисман призрачного рождения, он позволил мороку растаять, возвращая свой истинный облик.

Ему уже шел семнадцатый год. Очертания лица сделались строже, ушла детская припухлость щек, явив миру изящную, благородную красоту.

Неизменными оставались лишь его глаза — ясные, лучистые, окаймленные густыми ресницами. Вглядываясь в лицо Сунь Цинфэна, он смотрел на него с той непередаваемой мягкостью, что напоминает согретые весенним солнцем тихие воды.

Сунь Цинфэн заерзал, чувствуя, как внутри разгорается неловкое тепло, и кашлянул:

— Чего лыбишься?

— Я просто радуюсь, — улыбнулся Линьэр. — Какая бы беда ни случилась, когда ты рядом, мне ничего не страшно. Но знаешь... Когда отец передал мне печать, мне хватало четырех мер крови. Теперь нужно семь. С каждым днем эта жажда незаметно растет. Я боюсь, что наступит день, когда я превращусь в безумную тварь, не способную прожить без теплой крови и мгновения.

— А того, что небо рухнет и тебя придавит, ты часом не боишься? — фыркнул Сунь Цинфэн.

— Нет, ты не понимаешь... Я не умею объяснить, — Цзинь Линьэр замялся, подбирая слова. — Это как стоять на самом краю Утёса Осеннего клёна. Под ногами — бездонная, черная пропасть. И если долго всматриваться в нее, начинает казаться, будто бездна смотрит на тебя в ответ, готовая затянуть в свои недра. Я боюсь поддаться гордыне. Боюсь возомнить, будто укротил эту силу, а на деле оказаться ее жалкой марионеткой.

Сунь Цинфэн надолго замолчал, о чем-то глубоко задумавшись.

Спустя какое-то время он поднялся, распахнул дверь навстречу ночной прохладе и негромко произнес:

— Разве дано нам предугадать будущее? Если бы человек думал лишь о неизбежной смерти, стоило ли вообще приходить в этот мир? Нам не суждено прожить жизнь, не совершив ни

единой ошибки. Глупо изводить себя страхами — куда важнее уметь вовремя свернуть с неверного пути. Дорога трудна, и лишние думы лишь тянут назад. Мы давно сделали свой выбор. Назад пути нет, а значит — нужно отбросить сомнения и идти до конца, ища спасения в самой гибели.

— Ты уже взрослый муж, — добавил он, стягивая через голову рубаху и вешая на шею влажное полотенце. — Хватит дрожать и сомневаться. Свою судьбу тебе придется нести самому, здесь я тебе не подмога.

С этими словами он зашагал в темноту, к шумящему неподалеку водопаду, чтобы смыть дневной жар.

Эти слова заставили Цзинь Линьэра встряхнуться. Раз за разом прокручивая в голове наставления брата, он загорелся безумной идеей: устроить себе тайное испытание на пороге смерти, дабы закалить волю и побороть малодушие.

И первым шагом на этом пути должно было стать ни много ни мало — разорение маститого осиного гнезда.

Еще во времена их жизни в Лощине Абрикосового цвета Линьэр как-то подговорил Сунь Цинфэна разорить гнездо диких шершней. Тамошние осы были размером с палец, а их ядовитые жала наводили ужас даже на закаленного в боях великана.

Линьэр тогда свято уверовал, что именно укусы рассерженного роя некогда спровоцировали у его спутника приступ безумной ярости. А раз так, то лучшего противника для победы над собственным страхом было не сыскать.

Стояла середина лета. Горы утопали в буйной зелени, повсюду пламенели дикие цветы.

Пока братья прилежно заучивали трактаты об искусстве внутренней алхимии, Цзинь Линьэр умудрялся каждые две строчки коситься в окно — туда, где у подножия павильона колыхались пышные кусты горных камелий. Вид кружащих над бутонами полосатых ос будоражил его воображение, заставляя сердце биться чаще.

Сунь Цинфэн, успевший изрядно набить руку в стряпне, к этому часу уже закончил возиться с припасами для ужина. Изнывая от безделья, он растянулся на траве под сенью раскидистого чайного дерева, спасаясь от полуденного зноя.

Сквозь густую листву пробивались тонкие, ласковые лучи солнца, рассыпаясь по его лицу теплыми золотистыми бликами.

Почувствовав на себе пристальный взгляд мальчишки, Сунь Цинфэн решил, что тот просто проголодался и зарится на сладкий цветочный нектар. Он лениво потянулся, сорвал крупный,

налитый соком бутон белой камелии и, прижав его к губам, зажмурился, с деланным наслаждением выпивая сладкую влагу из самой сердцевины.

Однако Цзинь Линьэр даже не шелохнулся — его взгляд по-прежнему был прикован к жужжащим шершням. Удивившись такой стойкости, Сунь Цинфэн сорвал еще одну веточку. Приподняв подбородок, он залихватски свистнул, привлекая внимание Линьэра, и резко взмахнул рукой.

Шух!

Сорванный цветок, точно пущенный умелой рукой дротик, пролетел через весь двор и с глухим стуком вонзился в деревянные перила террасы прямо перед носом у Линьэра.

Стебель еще долго дрожал, осыпая вокруг себя золотистое облако душистой пыльцы. В воздухе мгновенно разлился густой, пьянящий аромат дикого меда.

В этот миг Цзинь Линьэру безумно захотелось бросить все свои дурацкие затеи, спуститься в сад, растянуться на мягкой траве рядом с названным братом и просто лежать, щурясь на солнце, ловя ленивых пчел и не думая ни о чем на свете.

Заметив, как Цзинь Линьэр завороченно улыбается прилетевшему неведь откуда цветку, другие ученики лишь недоуменно переглянулись. Глядя на его хитрый, лисий прищур, они невольно начали догадываться о чем-то своем, и в их глазах появилось странное выражение.

Смутившись, Цзинь Линьэр поспешно выдернул ветку из перил и неловко протянул ее ближайшему соседу:

— Это мне гэгэ прислал... Шисюн, не желаешь взглянуть?

Тот даже ухом не повел, продолжая сидеть с закрытыми глазами, погруженный в глубокое созерцание.

Поняв, что разговор не задался, Линьэр умерил свой пыл. Нельзя отступать от намеченного пути. Сунь Цинфэн не сможет защищать его вечно — когда-нибудь и ему самому придется встать на защиту брата.

Чжоу Синъюню, обладавшему поразительно чутким восприятием, не составило труда заметить рассеянность младшего. Однако, зная о недюжинном уме юноши, он до поры до времени не спешил его журить.

Вот только с тех пор, как Линьэр прибыл на Хуашань, минуло уже больше полугода. Почти все новобранцы, пришедшие вместе с ним, давно заслужили одобрение старейшин и вовсю махали деревянными мечами. Лишь Цзинь Линьэр из раза в раз заваливал испытания, продолжая

томиться на третьем этаже за унылым бормотанием сутр.

Старейшина судейского приказа Чжан Цинсюань уже несколько раз справлялся у Чжоу Синъюня об успехах его подопечного и, выслушивая неутешительные доклады, лишь тяжело вздыхал.

Решив наконец наставить младшего на истинный путь, Чжоу Синъюнь подошел к нему и опустился на соломенный коврик напротив.

— Няньлан, о чем твои думы?

Цзинь Линьэр торопливо завел руку с цветком за спину:

— Я... да так, ни о чем...

Лицо Чжоу Синъюня, чистое и гладкое, точно выточенный из нефрита слиток, выдавало в нем отпрыска благородного рода. В каждом его движении сквозила природная стать и мягкое величие, дарившие окружающим покой.

Скользнув взглядом по разложенному на низком столике свитку, он негромко спросил:

— Что, согласно учению, зовется победой сильнейшего войска?

Цзинь Линьэр ответил без запинки:

— Первое — сокрушить пустые мирские тревоги. Второе — изгнать в ночных грезах трех призраков плоти. Третье — отринуть оковы бесчисленных доктрин. Сие и есть истинный путь к победе.

Чжоу Синъюнь удивленно приподнял брови:

— Надо же. Трактат Патриарха Чунъяна «О золотых воротах и нефритовом засове» никак не назовешь легким чтивом для новичков, а ты цитируешь его наизусть.

В его голосе слышался немой вопрос: как человек, способный играючи одолеть сложнейшие учения древних, умудряется раз за разом валить простейшие азы?

Цзинь Линьэр, успевший искренне привязаться к старшему брату, ответил со всей прямоотой:

— Я бьюсь над этим свитком уже не первый день. Зазубрить слова — дело нехитрое, но вот постичь их глубинную суть... В этом павильоне собраны тысячи книг, и прочесть их все, а уж

тем более понять — задача не из легких.

— Няньлан, — покачал головой Чжоу Синъюнь, — а понимаешь ли ты сам, для чего люди вопрошают Дао?

— Раньше мне казалось, что вопрошать — это просто засыпать наставника вопросами, — шепнул Линьэр, покосившись на замерших братьев. — Но здешние ученики вечно молчат, так что теперь я и сам запутался.

Чжоу Синъюнь мягко рассмеялся:

— Наше учение зиждется на поиске Истины. Мы не уповаем на слепую веру в свитки или силу талисманов. Главное для нас — очистить разум и познать собственную природу. Вот почему этот павильон зовется Павильоном Вопросания Дао, а не просто Изучения. Истинный путь ищут в глубинах собственной души, а не на пожелтевших страницах книг.

До Цзинь Линьэра наконец дошел смысл его слов:

— Значит, шисюн считает, что мне пора браться за оружие?

— Истины разных учений переплетаются меж собой, — кивнул Чжоу Синъюнь. — Конфуцианцы говорят: «Слепая вера в свитки хуже полного их отсутствия». И еще: «Прочти десять тысяч свитков, но исходи десять тысяч дорог». И я с этим согласен. Лишь личный опыт рождает истинное понимание. Сидя взаперти, далеко не уйдешь.

— Благодарю за наставление, шисюн, — Цзинь Линьэр виновато опустил глаза. — Признаться, я и впрямь нарочно заваливал испытания старейшин. Глупо вышло.

Он достал из-за спины спрятанную ветку камелии и доверительно произнес:

— Шисюн, я оказался перед непростым выбором. Рассказать об этом кому-то еще я не могу, вот и пытался отыскать ответ на страницах священных книг. Теперь я вижу, как это было наивно. Пока я не разберусь со своими тревогами, я просто не смею приступить к тренировкам с мечом. Пожалуйста, не думай, что я обычный бездельник.

Он смущенно потер кончик носа:

— Хотя... лени во мне тоже хватает.

— Главное, что разум твой чист, — мягко улыбнулся Чжоу Синъюнь.

— И ты даже не спросишь, что стряслось? — удивился Линьэр.

— Захочешь — поделишься, а нет — неси эту ношу сам. Но помни: если станет совсем неспособен, я всегда готов прийти на помощь.

От этих слов у Цзинь Линьэра защемило в носу, и он лишь с большим трудом сдержал подступившие слезы.

Ему безумно захотелось обнять Чжоу Синъюня — точно так же, как он привык обнимать Сунь Цинфэна. Однако стоило ему потянуться вперед, как он резко осадил себя. В этот миг до него дошло: Сунь Цинфэн не похож ни на кого в этом мире. Отношения с ним были особенными, и переносить их на других людей казалось неправильным.

Но руки уже были протянуты, и, чтобы не выглядеть глупо, он быстро сориентировался — ловким движением прикрепил веточку камелии к вороту одеяния Чжоу Синъюня и весело рассмеялся:

— Спасибо тебе, шисюн!

Цветок качнулся, и с его яркой сердцевины на белоснежный шелк просыпалась густая порция золотистой пыльцы, оставив заметное пятно.

Чжоу Синъюнь лишь с улыбкой посмотрел на подарок, ничуть не расстроившись из-за испорченной одежды:

— Мы братья по ордену, и оберегать тебя — мой долг.

Ощувив эту искреннюю заботу, Цзинь Линьэр устыдился своей лени. Он заставил себя отбросить лишние мысли и погрузился в чтение, не отрываясь от свитков до тех пор, пока багровое солнце не коснулось вершин далеких гор.

Опасаясь, что Сунь Цинфэн почует неладное, Линьэр не решился устраивать свою тайную охоту возле Обители Скопленных облаков. Но и шуметь у стен Павильона Вопросания Дао тоже не следовало — засмеют ведь, если увидят, как он воюет с насекомыми.

Поэтому сразу после ужина, дождавшись, пока Чжоу Синъюнь уйдет к себе, он соврал Сунь Цинфэну, будто старший брат вызвал его для проверки знаний. На самом же деле его целью был не шисюн, а глухие заросли неподалеку от его пещеры.

Будь это обычный день, Сунь Цинфэн непременно увязался бы за ним след в след.

Однако за ужином защитник заметил на груди Чжоу Синъюня ту самую белую камелию.

Откуда она там взялась, он не знал, но от одного взгляда на этот цветок его заколотило изнутри. Выслушав невнятные бредни Линьэра про проверку знаний, он лишь мрачно промолчал и, не проронив ни слова, ушел к себе.

Сгорая от нетерпения и легкого страха, Цзинь Линьэр даже не заметил перемены в настроении брата. Он поспешно выскользнул из павильона.

Сначала он шел чинно и не торопясь, но стоило ему скрыться из виду, как он пустился бегом, вихрем ворвавшись под сень векового леса.

Заходящее солнце окрасило чашу в фантастические тона.

Одна половина леса горела багрянцем и золотом, другая же стремительно погружалась в чернильную тьму сумерек.

Гладь лесного ручья превратилась в зеркало, отражая засыпающее небо.

У кромки воды мирно пил дикий конь, чей покой казался завидным для любого смертного.

На влажном мху оставались неровные следы торопливых шагов — безрассудных и полных юношеского азарта.

Разогнавшись, Цзинь Линьэр не успел затормозить перед самым обрывом. Споткнувшись о подвернувшийся корень, он с размаху полетел на траву у самой воды.

Приподняв голову, он встретился взглядом с перепуганным конем. В глазах мальчишки промелькнула озорная искра. С ловкостью дикого зверя он вскочил на ноги, взлетел на неоседланную спину животного и, крепко обхватив его шею, зашептал что-то прямо в мохнатое ухо.

Скакун, словно поняв его, оглушительно заржал и рванул вперед, выбивая копытами комья земли и сухие листья.

Цзинь Линьэр во все глаза всматривался в проносящиеся мимо деревья, пока не заметил на отвесной скале огромное шершневое гнездо, размером превосходящее его собственную голову. Он резко натянул импровизированные поводья, соскользнул на землю и, покотившись по траве, победно воскликнул:

— Нашел!

Припоминая, как это делал Сунь Цинфэн, он подобрал длинную сухую ветку, очистил ее от мелких сучков и, покрепче перехватив этот шест обеими руками, с силой ткнул в самое сердце

улья.

Раздался сухой треск, и тяжелый кокон рухнул на камни.

Затаив дыхание, Цзинь Линьэр приготовился к яростной атаке, но вокруг царила тишина. Решив, что гнездо давно заброшено, он разочарованно подошел ближе и ковырнул его концом ветки.

В то же мгновение гнездо буквально взорвалось изнутри, выпустив плотную черную тучу разъяренных насекомых.

У Цзинь Линьэра от ужаса зашевелились волосы на затылке. Оцепенев от страха, он случайно наступил прямо на обломки кокона. Почувствовав под ногой бешеное шевеление сотен лапок, он в панике отпрянул, покатился по земле и, забыв обо всем, бросился наутек.

Разящее облако устремилось вслед за нарушителем покоя.

Вскоре петляющая тропинка вывела его к небольшому лесному озерцу, подпитываемому горным ключом.

Он бежал из последних сил, выгадав у преследователей жалкие десять шагов преимущества. Лопатки уже обожгло первыми болезненными укусами. В горле разлилась металлическая горечь, перед глазами поплыли темные круги. Линьэр понимал: еще немного — и он без чувств рухнет в траву, где разъяренные бестии попросту зажалят его до смерти.

В этот критический миг его душу захлестнула волна первобытного ужаса. Но сквозь пелену паники пробилась мысль: ведь ради этого он и затеял все испытание! Если он сейчас струсит и побежит, то грош цена его решимости. С трудом заставив себя остановиться на самом краю заводи, он развернулся навстречу летящей смерти и, дрожа всем телом, уставился на приближающуюся черную тучу.

Как раз в это время Чжоу Синъюнь с деревянной бадьей и чистым полотенцем спускался к купальне на восточном склоне горы.

Раздвинув густые ветви прибрежного кустарника, он замер: у самой воды стоял его новоиспеченный младший брат, Цзинь Линьэр. Мальчишка стоял лицом к гудящему черному вихрю, содрагаясь всем телом от страха, но не делая ни шагу назад.

— Няньлан! Чего стоишь, беги! — закричал Чжоу Синъюнь.

Поняв, что парень оцепенел от ужаса и не слышит его, он одним стремительным прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Оказавшись рядом, Чжоу Синъюнь набросил плотное полотенце на их головы и, крепко прижав Линьэра к себе, увлек его на дно глубокой заводи.

В ту же секунду рой накрыл берег, с яростным гулом кружа над самой водой.

Оказавшись под водой, Цзинь Линьэр судорожно глотнул воздух, но вместо вдоха лишь выпустил изо рта целую цепочку серебристых пузырей.

Чжоу Синъюнь вовремя зажал ему рот ладонью и указал пальцем вверх: сквозь прозрачную толщу воды было видно, как на поверхности беснуются сотни желтых крыльев.

Тем временем последние лучи солнца угасли, и на горы стремительно опустился сумрак. В наступившей темноте осы потеряли ориентир и вскоре улетели прочь.

Сильным толчком ног Чжоу Синъюнь устремился вверх, увлекая Линьэра за собой на поверхность.

Выбравшись на сушу, Цзинь Линьэр распластался на траве, судорожно кашляя и отплевываясь от заглоченной воды, пока силы окончательно не покинули его, и он не провалился в беспамятство.

Смертельно бледный Чжоу Синъюнь испуганно всматривался в бездыханное лицо юноши. Страхнув оцепенение, он вытащил его повыше на мягкий мох и принялся ритмично надавливать ладонями на живот.

Лишь когда из горла Линьэра хлынули остатки озерной воды, старший брат с облегчением выдохнул. Он легонько похлопал парня по щекам, приводя в чувство:

— Что ты творишь? Зачем тебе это понадобилось?

— Прости... прости меня, шисюн, — хрипло пролепетал пришедший в себя Линьэр, ловя ртом воздух. — Я просто... испытывал себя.

Чжоу Синъюнь недоуменно нахмурился:

— Какое еще испытание?

— Искал спасения на пороге гибели, — тихо ответил Линьэр.

— Да ты едва Богу душу не отдал! — в сердцах воскликнул Чжоу Синъюнь. — Чтобы я больше не видел подобных безумств!

Цзинь Линьэр лишь молча покачал головой. В его мыслях все еще стояла жуткая картина несущегося на него роя. Он бережно, крупница за крупницей, укладывал в памяти это ни с чем

не сравнимое ощущение смертельной опасности и ледящего страха.

Ночь окончательно вступила в свои права. Глядя на замершего в полузабытьи, продрогшего до костей младшего брата, Чжоу Синъюнь почувствовал укол жалости. Он молча взвалил Линьэра себе на спину и понес обратно к Обитали Скопленных облаков.

У пещеры царило безмолвие, нарушаемое лишь монотонным стрекотом цикад.

Сунь Цинфэн, огромный и угрюмый, точно дикий зверь, сидел на крошечной бамбуковой табуретке. В этой позе он походил на загнанного в тупик одинокого волка.

Он не находил себе места от тревоги, безотрывно всматриваясь в извилистую тропу, ведущую к владениям Чжоу Синъюня.

«До чего же я глуп... Чего я тут высиживаю?»

Стыдясь собственной слабости, он сердито развернул табурет и сел спиной к дороге, уставившись в глухую стену.

Но солнце давно зашло, на небе воцарился холодный серп луны, а мальчишки все не было.

Нарастающая тревога переросла в глухую ярость. Сунь Цинфэн резко вскочил и с такой силой пнул злосчастный табурет, что тот со свистом разлетелся на щепки. Обломки дерева сиротливо усеяли каменный пол.

Он быстрыми шагами направился к водопаду и встал прямо под тяжелые ледяные струи, надеясь остудить бушующий внутри пожар. Но даже ледяная вода была бессильна помочь. В его некогда мертвом, ожесточившемся сердце теперь полыхало яростное, пугающее пламя.

В сердцах ударив ладонью по воде и подняв тучу брызг, он бросился обратно в пещеру, схватил верный клинок, зажег факел и поспешил вниз по склону на поиски Линьэра.

Пляшущие языки пламени выхватили из темноты две приближающиеся фигуры.

— Чжоу Синъюнь? — грозно окликнул Сунь Цинфэн, ускоряя шаг.

В неверном свете факела бамбуковые заросли казались полными зловещих теней.

— Живо переоденься, не хватало еще простудиться, — мягко произнес Чжоу Синъюнь, бережно спуская Линьэра на землю и отирая его мокрое лицо. Повернувшись к великану, он добавил: — Брат Сюэ, на Няньлана напал рой диких ос. Мне пришлось увлечь его на дно купальни, оттого

мы в таком виде. Не волнуйся, парень цел, только спину изрядно покусали. Вытащи жала и смажь ожоги уксусом, полегчает.

С этими словами он развернулся, собираясь уходить.

Бросив быстрый взгляд на съежившегося Линьэра, Сунь Цинфэн помрачнел еще сильнее. Он преградил Чжоу Синъюню дорогу, рванув рукоять меча из ножен так, что лезвие хищно блеснуло в темноте:

— За спасение мальчишки — мой тебе поклон. Но уйти просто так не получится. Давай-ка начистоту.

Чжоу Синъюнь даже не подумал защищаться. Он спокойно окинул взглядом искаженное гневом лицо противника, затем перевел взор на обнаженную сталь и понимающе улыбнулся:

— Брат Сюэ, ты слишком мнителен.

— Лишних хлопот мне не надо, но береженого Бог бережет, — отрезал Сунь Цинфэн. — Коли ты уже пронюхал о наших тайнах и не поднял шум, значит, голова у тебя на плечах есть. Должен понимать, каково нам приходится.

— Гэгэ, ты чего удумал? Шисюн меня от смерти спас! — зуб на зуб не попадая от холода, вмешался Цзинь Линьэр. Почувяв неладное, он подскочил к названому брату и с силой задвинул клинок обратно в ножны. — Перестань. Ты же не разбойник с большой дороги, чтобы на добрых людей бросаться.

Сунь Цинфэн грубо оттолкнул его в сторону и процедил сквозь зубы:

— С тобой я еще отдельно поговорю. Дома.

Чжоу Синъюнь вздохнул и вежливо прижал кулак к ладони:

— Брат Сюэ, скрывать мне нечего. Но раз уж без откровенного разговора твое сердце не успокоится, позволь мне высказаться. Надеюсь, ты не сочтешь мои слова за дерзость.

Заметив, как дрожит озябший юноша под порывами ночного ветра, он добавил:

— Няньлан, тебе эти взрослые бредни ни к чему. Ступай в тепло, смени одежду.

— Пусть стоит, где стоит, — Сунь Цинфэн тяжелой ладонью прижал Линьэра к месту.

— Что ж, воля твоя, — пожал плечами Чжоу Синъюнь. — Вы утверждаете, будто прибыли из Байхая. Но мне довелось бывать в тех краях. Белое море — это бескрайняя ледяная пустыня, где веками лежит снег и не встретишь ни единой живой души.

— Шисюн, но мы и правда оттуда! — искренне возразил Линьэр.

— Байхай велик, — угрюмо обронил Сунь Цинфэн.

— Сии земли на самой границе государства Юн, — спокойно продолжил Чжоу Синъюнь. — К востоку и югу — безлюдные пустоши. К северу лежит Гуйфан, но на кочевников вы не похожи ни лицом, ни речью. На западе же высится гора Цинмин, где силы Альянса боевых искусств не так давно наголову разбили Культ Золотого света, а уцелевшие еретики разбежались кто куда.

— Складно звонишь. Давай дальше, — прищурился Сунь Цинфэн.

— Коли вы не имеете отношения к уцелевшим прихвостням дьявольского культа, остается лишь одно: вы явились из самого Разлома.

Чжоу Синъюнь прямо встретил суровый взгляд великана:

— И сдается мне, я не ошибся.

«Шисюн решил, что мы — демоны из разлома...»

Цзинь Линьэр сразу понял, куда клонят его мысли. Ему было невыразимо стыдно лгать такому благородному человеку, но долг и тайна происхождения обязывали держать язык за зубами. Спрятав глаза, он безмолвно отступил за широкую спину Сунь Цинфэна.

Сунь Цинфэн опустил руку с мечом и глухо усмехнулся:

— Ну допустим. И что с того? Побежишь сдавать нас старейшинам?

Бамбуковая роща казалась высеченной из черного агата. Ветви шумели под порывами ветра, накатывая зелеными волнами, точно разъяренное море. Широкие рукава Чжоу Синъюня вздувались от сквозняка, длинные белые ленты пояса плавно вились в воздухе. В прохладном ночном воздухе едва уловимо пахло дикой сливой и весенней хвоей.

Чжоу Синъюнь оставался безмятежным, как ясная луна в чистом небе. С теплой, ласковой улыбкой он сделал шаг вперед, мягко отвел прилипшую ко лбу Линьэра мокрую прядь волос и негромко произнес:

— Тебя принял в ученики сам глава школы, а я привык

<http://bllate.org/book/18425/1862743>